



мост. прива. — 1994. — 9 нояб. — с. 8.

Ответная улыбка

Александр Барыкин. «Русский пляж»/«Союз»

Отар КУШАНАШВИЛИ

Втянуть через ноздри добрый бушель воздуха, повздыхать глядячи в окно, подымить какую гадость, набрать номер - все, что остается.

Или залиvisto рассмеяться, забыв в одноминутье про горести иссушающие.

«Одинокий день» - тронет даже пингвинов. Рэггэй на базе Души. Анатомия грусти в отсутствии зазнобы.

«Джамайка» - мы всегда тяготели к экзотике. Тяга Барыкина особая, потому что облечена в русский кураж, в котором чувствуется отменное знание эталонов жанра.

«Жил как жил» - лучшее противостояние упрекам суженой (ну, тем из них, которые не бездарно мелкотравчаты, но существенны, с намеком,

что вот сосед-де...). Ода моральной независимости, симпатичная плевком в фасад претенциозности.

«Под шум дождя» - под оный шум изрядно думается. Думы подернуты печалью. Но светлой.

«Горько» - моя любимая вещь. С первого захода бьет в сердце заряд патетического облучения, после доходишь: все в меру. И мысль отчетливая: горько или не горько - все в твоих руках.

«Наши взяли» - пародия на квасной патриотизм. Продолжение традиций «Любэ» с «Аляской».

«Ну, а мне за тебя...» - Барыкин, по-моему, знаком со всеми душеразрывающими поэтами в подлиннике. Его дар - накладывать на чудный текст (привет

Аркадию Славослову) чудный мотивчик. Молодым тупарям вроде меня полезно послушать: мы-то и близко не ведаем, что суть абсолютная бескорыстность в любви. О, как Печаль твоя понятна мне, Саша!

«Чудо-Остров» - проверенный временем хит.

«Привет из теплых стран» - ощущение праздности и предвкушение предстоящего круиза.

(Директор певца молодой да ранний **Дмитрий Федякин**, будучи скептически расположенным к автору, занозисто съязвил, что не в силах отделаться от ощущения авторского стеба. Я его успокоил: «Стеб и есть. Но какой!» Но чтоб как-то реабилитироваться, я тут же сочинил якобы выношенную формулу: «Барыкин - это солнце, которое гладит, но не бьет»).

